

МАТЕРИНСКИЙ ПЛАЧЬ
СВЯТОЙ РУСИ

КНЯГИНЯ Н. В. УРУСОВА

Москва. 2006.

Томский мемориал.

Княгиня Наталья Владимировна Урусова,
урожденная Кетовичева.
Поселилась в Томск в 1937 г. В Томске
жили ее сын князь Петр Владимирович Урусов
и невестка княгини Ольга Владимировна Урусова
и невестка княгини Ксения Колыгина.
Воскресения в Томске и Каноне в 1938 г.

Графъ Матвей Ивановичъ Платовъ,
прадѣдъ Н. В. Урусовой.
А. Дю. 1820-е гг.

поруганіямъ. Все это продавалось или отдавалось ев-реямъ для перепродажи за границу. Трудно себѣ пред-ставить тотъ объемъ цѣнностей, что было ограблено и частью вывезено изъ Россіи или разобрано по рукамъ представителями власти. Вѣдь всѣ царскія драгоцен-ности милліарды стоили. Въ одной уже грановитой палатѣ въ Москвѣ были такіе камни въ историческихъ коронахъ, какихъ во всемъ мірѣ нѣтъ, т.е., вѣрнѣе ска-зать, до того времени не было.

Въ старинныхъ имѣніяхъ русскаго дворянства ка-кихъ произведеній искусствъ только не было. Въ имѣніи моей бабушки была большая картина, которую я въ дѣтствѣ, помню, очень боялась: это были въ нату-ральную величину два средневѣковыхъ рыцаря, ори-гиналъ Рембрандта. Картина эта была вывезена изъ Версаля. Дѣдъ моей матери, извѣстный казачій ата-манъ, графъ Платовъ, получилъ ее и другіе цѣнные предмѣты въ даръ отъ Франціи при подписаніи мира въ Парижѣ по окончаніи войны 1812 года. Картина принадлежала старшему брату моей матери, моему дядѣ. Въ самомъ началѣ революціи онъ былъ посаженъ въ тюрьму какъ помѣщикъ и предводитель дворянства. Все имѣніе было разграблено, и Рембрандтъ исчезъ.

Въ то время еще оставляли кое-какіе храмы для жи-выхъ и обновленческихъ церквей. Конечно, никто изъ истинно вѣрующихъ не ходилъ въ эти мѣста ко-шунствъ. Я не могу ихъ называть храмами или церква-ми. Когда взорванъ былъ храмъ Христа Спасителя въ

Смело шаг вперед уносил.

г. Томск.

спискахъ такого нѣтъ!" А между тѣмъ этотъ эшелонъ отправленъ былъ 5-го изъ Алма-Аты. Шелъ онъ нѣсколько дней, и мнѣ представилось, что сынъ замерзъ.

Я взяла билетъ и поѣхала въ Томскъ къ Петѣ, давъ ему телеграмму. Въ этотъ страшный морозъ онъ и жена его, въ холодныхъ ботинкахъ, кое-какъ одѣтые, т.к. все было отобрано еще въ Москвѣ, а одѣться въ ссылкѣ не на что было, встрѣтили меня на вокзалѣ. Три дня я жила, окруженная теплой любовью и заботой. И Петя и Олечка утѣшали меня, говорили, чтобъ я не тосковала, что они найдутъ, гдѣ Андрюша, и я поѣду къ нему. На четвертый день ночью опять стукъ, и опять тотъ же окрикъ! Увезли и Петю моего! Я въ окно видѣла его сидящимъ, какъ-то согнувшись, на открытомъ грузовикѣ. Ночь была лунная. Шоферъ и ГПУ сидѣли въ кабинкѣ. Я отдала ему все, что везла Андрюшѣ. Послѣдніе его слова были молодой женѣ: "Олечка, поѣзжай немедленно съ мамой въ Москву".

Она со мной не поѣхала, несмотря на все мои просьбы, и осталась у брата, сказавъ, что только узнать судьбу Пети въ ГПУ, на сколько лѣтъ и куда его отправятъ, и пріѣдетъ въ Москву. (Она была рожденная княжна Г-на^{*}). Черезъ мѣсяць отъ хозяйки квартиры было письмо. Ваша невѣстка и братъ ея^{**} арестованы и увезены на 10 лѣтъ.

*) Княгиня Ольга Владимировна Голицына
(† 1938г. Томск).

***) Князь Александр Владимирович Голицын
(† 1938г. Томск).

38

МОЖАЙСКЪ

Когда мои сыновья были въ 1937 г. арестованы и по сообщенію ГПУ были высланы на 10 лѣтъ безъ права переписки, то о моемъ материнскомъ горѣ и говорить нѣчего. Много много горькихъ слезъ пролила, но ни единой даже мимолетной мыслью не роптала, а искала только утѣшенія въ Церкви, а оно могло быть только въ Катакомбной Церкви, которую я вездѣ искала и милостью Божіей всегда находила очень скоро, и горе свое изливала истиннымъ, Богу угоднымъ священникамъ, которые тамъ совершали тайныя Богослуженія. Такъ было, когда послѣ ареста сыновей я изъ Сибири уѣхала въ Москву. Сестра моя, которая, къ ужасу моему, признавала совѣтскую Церковь, не была арестована, несмотря на то, что была фрейлиной. Она мнѣ указала на одну бывшую нашу подругу дѣтства, съ которой она расходилась въ вопросахъ Церкви, т.к. та принимала горячее участіе въ тайныхъ Богослуженіяхъ. Меня

посылали не разъ въ день за водкой. И не было той самой трудной работы, которую не возлагали бы на него, когда никто не хотѣлъ ее исполнить. Вотъ примѣры тому. Безснѣжной зимой, въ морозъ, при бурѣ съ моря падалъ не снѣгъ, а замерзающій въ лдышки дождь грушевидной формы. Къ берегу прибывало замерзшихъ дикихъ утокъ, съ телеграфныхъ проводовъ падали воробушки. Депо находилось на самомъ берегу моря. Въ тендерѣ, полномъ водой, показалась течь, нужно было найти пробоину. Приказъ коммуниста, начальника депо: "Полѣзай въ воду и найди пробоину". Всѣ комсомольцы отказались бы, а ему нельзя, просто разстрѣляли бы за неповиновеніе властямъ. Какъ былъ въ сапогахъ и кожаной рабочей курткѣ, больше часу мой мальчикъ простоялъ по плечи въ ледяной водѣ, пока отыскалъ пробоину. Пришелъ домой весь во льду, долго нельзя было снять сапогъ. Я думала, что потеряю его теперь, такъ невозможнымъ казалось, чтобъ онъ не заболѣлъ. Но у Бога все возможно. Другой разъ нужно было заклепать низъ у паровоза, стоящаго для починки надъ канавой, куда стекалъ мазуть, и тоже въ морозный день, лежа на спинѣ, въ мазутѣ, онъ долженъ былъ исполнить эту ужасную работу, которую иначе, какъ лежа, нельзя было сдѣлать.

На слѣдующій годъ отношеніе къ нему стало немного лучше, и эти безчеловѣчныя души признали въ немъ тихаго, добраго товарища, всегда готоваго помочь всѣмъ и каждому. Да, много радости материнской о

мать Петр Урусов (четвертый слева)
(† 1938. г. Томск)
↓

г. ДЗЕРЖИНСКЪ. ДАГЕСТАНЪ.
Петръ Урусовъ стоитъ у паровоза среди рабочихъ, въ железнодорожномъ депо.

дѣтяхъ, но переживанія ихъ страданій невыносимы. Какъ легко было бы, если бы всѣ ихъ мученія можно было бы взять на себя.

Послѣ укушенія Ирочки скорпиономъ намъ дали квартиру въ двѣ комнаты отъ железнодорожнаго

Митрополитъ Іосифъ
Петроградскій,
КЕ принявшій
«ДЕКЛАРАЦІИ»
митрополита СЕРГІЯ
(Старгородского).
ГЛАВА Автокефальной лици
„Иосифлян“ к которой
откошилсѣ уроженецъ пос. Ксенъевца
(г. Асино) священномученикъ Алексій
(Буй), епископ Воронежскій
(† 8.12. 1937г. г. Медвежьегорск).

всѣ вспоминали о жестокостяхъ ГПУ. О. Арсеній раз-
сказалъ объ одной формѣ издѣвательства мученіями:

“Когда ихъ везли черезъ Сибирь, морозъ былъ
жестокій. Въ поѣздѣ былъ вагонъ-баня. Насъ совсѣмъ
голыми погнали черезъ вагоны въ баню. Мы съ радос-
тью обливались горячей водой и немного отогрѣлись,
т.к. вагоны почти не топлены. Не давъ ничего, чтобъ
вытереться, съ мокрой головой погнали назадъ. На же-
лѣзной площадкѣ нарочно задержали и мокрая ноги
моментально примерзали къ желѣзу, по командѣ “Впе-
редь!” мы отдирали съ кровью примерзшія ступни”.

На другой день, переночевавъ у О. Арсенія, митро-
политъ уѣхалъ къ себѣ. Теперь онъ жилъ въ другихъ
условіяхъ. Послѣ 15-ти или около этого лѣтъ было раз-
рѣшено въ Чимкентѣ найти ему квартиру. Архимандритъ
Арсеній устроилъ ему комнату для спокойной
жизни, заботился о его ѣдѣ не только въ сытости, но и
въ діетѣ, ради больныхъ кишочекъ. Досталъ ему сперва
цитру, а затѣмъ и фисгармонію, что для митрополита,
большого музыканта, было радостью. Онъ пѣлъ псал-
мы, перекладывая ихъ на музыку.

г. Алла-
-АТА.
1-го Сентября неожиданно дана намъ была больш-
шая, очень большая радость. Сынъ мой Петръ, окон-
чивъ ссылку, пріѣхалъ къ намъ, узнавъ черезъ сестру
мою въ Москвѣ (переписка при вольной ссылкѣ раз-
рѣшалась) нашъ адресъ. Пріѣхалъ съ молодой женой,*
чтобъ вмѣстѣ жить. Они только что потеряли ребенка,
о чемъ я писала. Временно мы расположились всѣ въ

—* 351 3*—

*) княгиней Ольгой Владимировной Голицыной.

Священномученикъ Юсифъ Петроградскій,
современная икона.

нашей одной комнатѣ, куда мы перешли за два мѣсяца передъ тѣмъ, а затѣмъ для ихъ удобства рѣшили подыскать имъ вблизи отъ насъ отдѣльную комнатку. Андрюшино служебное начальство ввиду его честной работы назначило его на трехмѣсячные курсы по бухгалтеріи, причѣмъ было объявлено, что окончившій и сдавшій экзаменъ лучшимъ по конкурсу получить дипломъ на права старшаго бухгалтера. 25-го Сентября онъ долженъ былъ курсы закончить съ этимъ правомъ, т.к. шелъ лучшимъ изъ всѣхъ. Это дало бы ему хорошее содержаніе, и онъ такъ радовался, говоря: “Мутенокъ мой (такъ онъ меня называлъ), ты не будешь больше стоять на базарѣ и продавать цвѣты, я одинъ буду зарабатывать”. Петя нашѣлъ комнатку очень близко отъ насъ, и 24-го Сентября по приведеніи ее въ порядокъ они должны были перейти въ нее. 23-го вечеромъ мы сидѣли всѣ невеселые, предвидя несчастіе. По всему городу начались аресты. Это было владычество Ежова.

Въ часъ ночи дѣти и Ниночка спали, я еще не легла, когда у нашей комнаты остановился автомобиль. Я разбудила дѣтей. Въ дверь рѣзко застучали и раздался такъ страшно знакомый окрикъ ГПУ: “Отворите!”

Дѣлать было нѣчего, я отворила. Быстро вошелъ ГПУ и три вооруженныхъ солдата, у ГПУ револьверъ въ рукѣ. Помню, что я въ отчаяніи, понимая, что у меня отнять сейчасъ самое дорогое въ земной жизни,

дѣтей, рѣзко спросила: “Что вамъ здѣсь надо?” — “Андрей Урусовъ здѣсь?” Я не могу писать всѣхъ подробностей. Какъ ни примирилась съ Божьей Волей, но воспоминанія раздраютъ душу. Въ одномъ нижнемъ бѣльѣ поставили моего дорогого посрединѣ комнаты и обшарили, нѣтъ ли на немъ оружія. Подлинныя трусы! Чего они боялись и кого? Какое могло быть оружіе вообще у кого-нибудь, а тѣмъ болѣе у высланнаго за вѣру въ Бога и Церковь! Начался обыскъ.

Перевернули все, конечно, ничего не найдя. Меня, несмотря на порывы приблизиться къ сидящему на кровати теперь Андрюшѣ, къ нему не допускали даже въ эти послѣднія минуты разставанія, можетъ быть, навсегда на землѣ. Онъ сидѣлъ молча, не протестуя ни однимъ словомъ, и только глазами указывалъ мнѣ на уголь съ образами, гдѣ, какъ всегда, горѣла лампадка. Я понимала, что онъ призываетъ меня молиться. Я такъ плакала, что на просьбу невѣстки ко мнѣ подойти, ей разрѣшили. Обернувшись къ бѣдному Петѣ, онъ сказалъ: “Я не зналъ, что у Васъ еще сынъ есть! А это Ваша дочь?” Она отвѣтила: “Нѣтъ, я невѣстка”. Андрюшѣ велено было одѣться. Теплая куртка была у портного въ починкѣ, ботинки тоже. Надѣлъ легкое пальто и брезентовыя туфли. Денегъ у насъ не было, кромѣ 40-ка руб., которые ГПУ взяло якобы для Андрюши. Его увели. Мнѣ разрѣшили проститься. Мы обнялись въ послѣдній разъ. Я сказала ему: “Куда бы тебя ни сослали, я поѣду за тобой”. Но Господь судилъ иначе, и

больше я его не видѣла. Онъ сказалъ мнѣ вечеромъ наканунѣ: “За меня не проси у нихъ, я этого не хочу, я твой сынъ!” Вотъ 15 лѣтъ въ сентябрѣ, какъ это было, но память объ этихъ минутахъ такъ свѣжа, какъ будто это было вчера, только чувство отчаяннаго горя, охватившего меня, смѣнилось покорнымъ переживаніемъ. Мои дѣти — мученики за Христа. Не помня себя, я тутъ же на разсвѣтѣ побѣжала къ Архимандриту Арсенію и, подойдя, увидѣла автомобиль и входящихъ къ нему ГПУ. Къ счастью, меня не замѣтили. Нужно было спастись Петю и его жену. Какъ настало утро, они уѣхали въ Томскъ, гдѣ тоже въ ссылкѣ вольной жилъ братъ моей невѣстки. Онъ поступилъ въ театръ артистомъ. *)

Бѣдная Ниночка, что переживала эта несчастливая, оставшаяся 6-ти лѣтъ сиротой дѣтская душа? Я не въ состояніи была работать, не знала какъ быть съ ней! Я только плакала, молилась и часами стояла съ ней у воротъ тюрьмы. Придя домой на второй же день, мы застали у себя отца Ниночки, пріѣхавшаго повидаться съ ней послѣ трехлѣтней разлуки. Еще за день я не могла бы подумать о томъ, что могу съ ней разстаться, но тутъ я усмотрѣла въ этомъ явное Божіе указаніе. Вѣдь и меня могли арестовать и что было бы съ ней? Я разсталась и съ ней! Отецъ взялъ ее къ себѣ.

Цѣлый мѣсяцъ ходила я въ ГПУ, прося не освобожденія, а передачи пальто, ботинокъ и чего-нибудь съѣстнаго, просила о разрѣшеніи свиданія. Мнѣ подарили ссыльные для него валенки и теплую шапку

*)¹²⁾ Князь Александръ Владимировичъ Голицынк.
Театральный певецъ въ Томскомъ драматическомъ театре — „АЛБЕГОВЪ“ († 1938 г. г. Томск).

мѣховую. Разрѣшено не было. 8-го Ноября мнѣ было объявлено: Андрей Урусовъ отправленъ 5-го числа на Дальній Востокъ безъ права переписки на 10 лѣтъ. Я молилась только о томъ, чтобъ не впасть въ отчаяніе отъ горя, и Господь помогъ мнѣ перенести и дальнѣйшія скорби, и вотъ живу уже 10 лѣтъ послѣ этого.

Я рѣшила его догонять. Сосѣди продали для меня все, что у меня было, помогли мнѣ и другіе ссыльные деньгами, и я уѣхала по дорогѣ въ Сибирь, т.к. мнѣ сказали, что онъ отправленъ въ бухту Нагая, въ Колымскій край. Бухта Нагая — это на самомъ сѣверномъ берегу Охотскаго моря. Я думала, что пассажирскимъ поѣздомъ догону этапъ. Рядомъ въ купѣ вагона сидѣлъ разукрашенный орденами, какъ видно, исполнившій миссію арестовъ и приговоровъ, большой, уже пожилой чинъ ГПУ. На вторую ночь, заставъ меня въ коридорѣ вагона, спросилъ: “Гражданка, чего Вы все такъ плачете?” Спросилъ строго и, конечно, несочувственно. Я сказала объ Андрюшѣ. “За что его арестовали?” Я отвѣтила: “Безъ всякой вины”. — “Этого быть не можетъ!” — “Нѣтъ, это такъ: онъ взятъ за вѣру въ Бога и религію!” — “Ну, стало быть и виновень!” — “По-Вашему, да, а по-моему, нѣтъ!” — “Какъ фамилія?” Я сказала. “Ну, больше 5-ти не просидить”. Навѣрное, онъ самъ и присуждалъ моего Андрюшу и другихъ обвиненій не нашель на него. Онъ мнѣ разрѣшилъ пройти въ Новосибирскѣ съ носильщикомъ по путямъ, сообщивъ, что эшелонъ изъ Алма-Аты стоитъ еще

1. Новосибирск

здѣсь. Морозъ былъ свыше 50-ти градусовъ. Мы прошли подъ вагонами не меньше 20-ти товарныхъ поѣздовъ съ наглухо закрытыми вагонами, охраняемыми военными патрулями. Это все транспорты съ ссыльными изъ разныхъ городовъ Россіи. Въ тотъ же день, какъ арестованъ былъ Андрюша, было арестовано вездѣ въ окрестностяхъ Алма-Аты по Казахстану все духовенство катакомбныхъ Иосифлянскихъ церквей, отбывавшихъ вольную ссылку за непризнаніе совѣтской церкви. Всѣ были сосланы на 10 лѣтъ безъ права переписки и, какъ я узнала послѣ, въ числѣ ихъ былъ и митроп. Иосифъ. На послѣднемъ пути былъ поѣздъ изъ Алма-Аты. Посреди поѣзда — классный вагонъ. Я постучала. Вышелъ маленькій еврей въ военной формѣ ГПУ и съ нимъ еще двое. Онъ удивился, увидѣвъ въ 12 ч. ночи даму у поѣзда съ носильщикомъ, когда никто не имѣлъ права ходить по путямъ, да еще пролезать подъ вагонами съ арестованными. На вопросъ, что мнѣ надо, я сказала, что ищу сына, чтобъ передать ему теплую одежду, провизію и денегъ. Одинъ изъ стоящихъ, узнавъ фамилію, сказалъ: “Кажется, у насъ есть такой!” Еврей сказалъ мнѣ: “Идите на станцію, а рано утромъ приходите, мы за это время провѣримъ списки, и если Вашъ сынъ тутъ, то я дамъ Вамъ свиданіе и Вы передадите лично, что хотите”. Ночь показалась мнѣ за нѣсколько лѣтъ. Въ 7 утра я была у поѣзда, опять съ носильщикомъ. Я купила съѣстного, все что было можно на вокзалѣ. Мнѣ объявили: “Въ

княгиня Урсова

Наталья Владиміровна — внучатая племянница
контръ-адмирала Истомина Владиміра Ивановича,
героя Севастопольской обороны.
† 1854.

Контръ-адмирал В. И. Истомин.

въ 1854 году. Былъ раненъ и контуженъ, но не покинулъ боевого поста. Былъ награжденъ орденомъ Святого Георгія III степени. Палъ геройской смертью на Камчатскомъ люнетѣ и погребенъ въ Севастополь въ одномъ склепѣ съ адмиралами Лазаревымъ, Нахимовымъ и Корниловымъ.

Сестра бабушки Нина Владиміровна Истомина до своей смерти въ 1947 году получала небольшую пенсію отъ министерства Военно-Морского флота.

Родители бабушки В. К. Истоминъ и Н. А. Истомина издавали журналъ «Дѣтскій отдыхъ», печатавшійся въ Университетской типографіи (М. Катковъ) на Страстномъ бульварѣ, особенно рекомендованный Ученымъ комитетомъ министерства народного просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ городскихъ училищъ и начальныхъ народныхъ школъ. Семья была большая и дружная. Часто бывали художникъ Саврасовъ, писатели Ф. М. Достоевскій и Л. Н. Толстой, который находился въ дальнемъ родствѣ съ Истомиными и былъ крестнымъ отцомъ брата бабушки Дмитрія. Все дѣти получили прекрасное образованіе. Бабушка въ совершенствѣ владѣла французскимъ языкомъ, знала нѣмецкій и немного англійскій. Она была очень одареннымъ человекомъ: писала стихи, великолѣпно рисовала. Я помню два большихъ рукописныхъ альбома стиховъ бабушки съ ея прекрасными рисунками. Она расписывала сервизы. Двѣ чудомъ уцѣлевшіе фарфоровые тарелочки

ПРАВЕА Кн. Н. В. Урусовой -
Матвей Иванович Платовъ,
Гравюра С. Карделли по рисунку А. О. Орловского

Москвѣ, который весь внутри, начиная съ громаднѣхъ иконъ знаменитѣхъ художниковъ и кончая поломъ, былъ изъ мрамора и тонкой мозаики, вы могли видѣть, какъ изъ нагроможденныхъ горъ развалинъ этихъ увозили на грузовикахъ и превращали святые мозаичные остатки иконъ въ щебень, которымъ мостили улицы. Это было сдѣлано, чтобъ люди подъ ногами топтали святыню. Волей неволей приходилось ходить по такимъ тротуарамъ и улицамъ. Все роскошное метро, которымъ большевики гордятся, построено изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ разрушенныхъ старинныхъ церквей и памятниковъ съ уничтоженныхъ кладбищъ. По улицамъ собирали мусоръ и навозъ въ мѣшки, сшитые изъ дорогихъ золотыхъ и серебрянныхъ ризъ. На мѣстѣ богатѣйшаго кладбища Скорбященскаго при Скорбященскомъ бывшемъ монастырѣ, снесенномъ цѣликомъ, устроены паркъ культуры съ разными увеселеніями. Тамъ былъ похороненъ мой отецъ, скончавшійся въ 1914 г. Родственникамъ было предложено открыть могилы и перевезти гробы съ покойниками на Ваганьковское кладбище. Я въ то время была на Кавказѣ. Сестра моя перевезла отца. Это было крайне трудно и стоило очень дорого, но она сумѣла кое-что спрятать, до чего ГПУ не добралось. Прошло десять лѣтъ уже съ его смерти. Былъ подведенъ цинковый гробъ и въ него сдвинуть прежній. Въ 1941 г. весной было предложено опять открыть, перевезти за много верстъ отъ Москвы, т.к. на мѣстѣ Ваганьковс-